

Глава 6

На обратном пути за руль, как и следовало ожидать, сел Чэн Муюнь. Юй Шаонин жил в том же квартале, а потому поехал вместе с ними.

В салоне воцарилась тяжелая тишина. Цинь Ли, борясь с легким опьянением, прикрыл глаза и замер; Сун Цзинчэнь, измотанный перелетом и вечером, не отрывался от телефона. И только Юй Шаонин, устроившийся на переднем пассажирском сиденье, то и дело украдкой поглядывал на ассистента. Тот вел машину с безупречным спокойствием, не удостоив директора и мимолетным взглядом.

[Юй Шаонин снова на вас смотрит]

«Я знаю, — мысленно отозвался Муюнь. — Пусть воображение поработает за него. Чем больше он сейчас напридумывает, тем выгоднее для меня сложится ситуация».

Это молчаливое созерцание продолжалось до самого дома.

Вилла Цинь Ли располагалась в самой уединенной части жилого комплекса — трехэтажное здание, окруженное просторным садом. Чэн Муюнь высадил пассажиров у главного входа, а сам отогнал машину в гараж. Когда он, миновав садовую тропинку, вернулся к парадным дверям, хозяин дома и Сун Цзинчэнь уже зашли внутрь.

Лишь Юй Шаонин всё еще стоял на пороге, погруженный в глубокие раздумья.

Муюнь подошел ближе и мягко спросил:

— Директор Юй, что-то случилось? Вам нужно, чтобы я подвез вас до дома?

Дом Шаонина был совсем рядом — минут десять неспешным шагом. Обычно он всегда добирался сам, и ассистент никогда не предлагал подвезти его, так что нынешняя ситуация выглядела необычно.

Юй Шаонин взглянул на собеседника. Фигура юноши, очерченная холодным светом садовых фонарей, казалась пугающе одинокой — словно он был совершенно чужим в этом освещенном яркими огнями доме.

Чувство вины вновь захлестнуло директора. Он прекрасно знал, что Муюнь любит Цинь Ли до безумия, и всё же сам способствовал переезду Сун Цзинчэня. Какими бы сомнительными ни были первоначальные мотивы Чэна, все эти годы его преданность была очевидна для каждого.

«Может быть... я совершил ошибку?» — мелькнуло в голове Шаонина.

Он тряхнул головой, пытаясь убедить себя в том, что действует ради истинных чувств друга. Перед возвращением Цзинчэня он как-то спросил Цинь Ли, что тот думает о Чэн Муюне.

Тот тогда лишь бросил:

— Да ничего особенного.

В его ровном, безразличном тоне не было и тени той страсти, с которой он в юности произносил имя Сун Цзинчэня. Стало ясно — президент не принимает эти отношения всерьез.

Все эти годы в любой мелочи проглядывала разница в отношении Цинь Ли к этим двоим. В школьные годы он брал на себя все заботы о быте Цзинчэня, буквально сдувая с него пылинки. Теперь же всё было наоборот: в их жизни с Муюнем именно последний отвечал за комфорт. Цинь Ли мог с головой уходить в работу, зная, что ему ни о чем не нужно беспокоиться.

Раньше Шаонин считал, что Чэн получает деньги и забота о боссе — его прямая обязанность, ведь он лишь временная замена «белому лунному свету». Но сейчас он осознал, насколько несправедливо это положение по отношению к ассистенту. Тот оставался здесь лишь из-за непреходящего чувства вины.

— Директор Юй? — снова позвал Муюнь, видя, что собеседник надолго замолчал.

Тот пришел в себя и поспешно протянул ему сверток.

— Это... это сэндвич из того заведения. Они там неплохие. Ты сегодня почти ничего не ел, возьми, перекуси.

Бумажный пакет с лаконичным логотипом был измят по краям — верный признак душевных метаний Юй Шаонина.

Муюнь покачал головой:

— Не стоит, спасибо.

Получив отказ, директор окончательно растерялся.

— Прости, — выпалил он. — Я... я прямо сейчас удалю те фотографии.

Он достал телефон, намереваясь немедленно стереть снимки. Муюнь протянул руку и мягко, но уверенно накрыл его запястье.

— Не удаляй.

— Но... почему? — Шаонин во все глаза уставился на его пальцы, с трудом выдавив из себя вопрос.

— Пусть... это будет моим горьким лекарством, чтобы не терять голову, — Муюнь опустил взгляд, и длинные ресницы отбросили тень на его лицо. — Ты ведь знаешь, все эти годы я никак не мог решиться уйти. Теперь же всё иначе.

Его тихий вздох растворился в ночном воздухе.

Совершенно сбитый с толку, Шаонин поспешно убрал телефон.

— Тогда... если захочешь их удалить, просто скажи мне. Я сделаю это в ту же секунду.

Муюнь обернулся и искренне, тепло улыбнулся:

— Благодарю. Уже поздно, директор Юй, вам пора отдыхать.

— Ах, да... Вот, всё-таки возьми, — Шаонин всунул пакет в руки Чэну и стремительно зашагал прочь, боясь получить очередной отказ.

Муюнь проводив его взглядом, вошел в дом.

[Такой шанс! — возмутилась Система. — Почему вы не дали ему удалить снимки?]

«На всякий случай. Нужно оставить козырь в рукаве».

[Козырь?]

«На тот случай, если благосклонность Цинь Ли станет слишком высокой и сюжет свернет не туда. Мне нужен инструмент, чтобы в нужный момент его охладить», — небрежно пояснил Муюнь.

Система осознала, что Чэн Муюнь, к которому вернулась память, стал еще опаснее. У него не было сердца, и происходящее он воспринимал исключительно как игру.

[Вы ведь почти ничего не сделали, — боязливо заметила она. — Как вы умудрились так легко прибрать Юй Шаонина к рукам?]

Муюнь весело усмехнулся:

«С ним довольно забавно. Если бы он не был так далек от того типажа мужчин, который мне нравится, я бы с удовольствием сделал из него свою карманную куклу».

[В вас хоть что-то человеческое осталось?]

«Ну что за претензии? — вздохнул Муюнь. — С Цинь Ли играть нельзя — это разрушит основную сюжетную линию. Но разве мне запрещено развлечься с таким второстепенным персонажем, как Юй Шаонин?»

Дело было вовсе не в скуке. Глядя на шкалу прогресса, он уже обдумывал свое будущее. Неизвестно, сколько времени потребуется, чтобы довести дело до ста процентов. Когда отношения Цинь Ли и Сун Цзинчэня наладятся, Муюню, возможно, придется провести здесь годы, а то и десятилетия. Без маленьких радостей жизнь стала бы невыносимо скучной.

«Я уже всё решил, — продолжал Муюнь. — Когда миссия завершится, я потребую у Цинь Ли солидную компенсацию и с разбитым сердцем уеду в закат».

[...]

«Это идеально впишется в образ. А на эти деньги я найду кого-нибудь, похожего на Цинь Ли, и устрою себе личный театр. Но не волнуйся, я человек честный: в контракте сразу пропишем — он будет лишь дублером для моего эстетического удовольствия. Чистое созерцание. Если согласен — получает деньги».

[Надеюсь, Цинь Ли об этом никогда не узнает]

«Да даже если и узнает, решит, что я обезумел от любви к нему и ищу утешения в подделках. Все мы в этой истории либо замены, либо ищем их. Какая идиллия».

[Прекратите эту бесконечную рекурсию!]

Из-за влияния настроек этого мира Чэн Муюнь питал нездоровую привязанность к мужчинам с внешностью Цинь Ли. Даже вернувшаяся память не могла этого изменить. Но если нельзя сопротивляться, стоит научиться получать удовольствие — такова была жизненная философия Муюня.

Цинь Ли, будучи нетрезвым, чувствовал себя совершенно разбитым. Устроив гостя, он не нашел в себе сил для долгих разговоров и сразу поднялся на третий этаж.

Сняв пиджак, он заметил, что ассистент еще не вошел в здание. Выйдя на балкон, президент увидел его в саду вместе с Юй Шаонином.

Они говорили вполголоса, и разобрать слова было невозможно, но в тусклом свете фонарей мужчина ясно видел лицо Муюня.

Спустя мгновение Чэн улыбнулся — открыто, мягко, без тени той деловой вежливости, к которой привык президент. Цинь Ли замер: такой Муюнь показался ему пугающе незнакомым.

Чувство глухого раздражения, которое он с трудом подавлял весь день, вспыхнуло с новой силой. Он не сводил глаз с беседующей пары, а в его голове, затуманенной алкоголем, пульсировала лишь одна мысль:

«Почему он никогда не улыбается мне так?»

Ответа не было, и настроение испортилось окончательно. В сердцах Цинь Ли развернулся и ушел в комнату, не желая больше на это смотреть.

Опомнился он лишь тогда, когда обнаружил себя стоящим у подножия лестницы на первом этаже.

В этот самый момент входная дверь открылась. Испугавшись, что Муюнь застанет его здесь, президент поспешно скрылся на цокольном этаже.

В винном погребе, глядя на ряды бутылок, он погрузился в мрачные раздумья. Что с ним происходит? Эта необъяснимая реакция пугала его. Он никогда не был склонен к излишней мнительности, но сегодня всё шло наперекосяк.

Возможно, возвращение Сун Цзинчэня выбило его из колеи. Цинь Ли признавал: присутствие Цзинчэня пробуждало в нем чувства, которые он давно считал похороненными. Это были отголоски самой прекрасной мечты его юности — даже если всё прошло, забыть такое непросто.

Вино, скверное настроение... последствия были предсказуемы.

Проводив Юй Шаонина, Чэн Муюнь вернулся в свою комнату на третьем этаже.

Они с Цинь Ли оба ценили личное пространство, поэтому даже за годы близких отношений не делили одну постель. Весь третий этаж был в их распоряжении: у каждого была своя спальня, соединенная общей гардеробной.

Во время ремонта именно Муюнь общался с дизайнерами. Цинь Ли не слишком заботили вопросы интерьера, поэтому все детали были выполнены согласно вкусу ассистента.

Увидев чертежи, Цинь Ли лишь однажды спросил, зачем на этаже две спальни.

Муюнь тогда ответил:

— Ради эффективности. Для продуктивной работы нужен качественный отдых, а отдельный сон гарантирует его лучше всего.

Довод показался убедительным, и так они и жили.

Несмотря на поздний час, Муюнь не забыл о своих обязанностях. Он зашел в гардеробную, чтобы подготовить костюм для Цинь Ли на завтра.

Подобрав пиджак, рубашку и запонки, он отступил на шаг, чтобы оценить ансамбль, и внезапно наткнулся на чью-то крепкую грудь. Сквозь тонкую ткань своей рубашки он ощутил исходящее от чужого тела тепло.

Чэн обернулся. Перед ним стоял Цинь Ли — в одних домашних брюках, с обнаженным торсом и абсолютно бесстрастным лицом.

«А он хорош. Чертовски хорош».

Стоило признать: внешность Цинь Ли была безупречным воплощением эстетических идеалов Муюня. От черт лица до атлетичного тела — каждый дюйм заставлял сердце ассистента на миг сбиваться с ритма.

К сожалению, из-за особенностей его собственной природы, эта мимолетная вспышка никогда не могла перерасти в нечто большее.

«Какая жалость», — мысленно вздохнул он.

[В чем дело? — спросила Система, уловив его настрой. — Снова сокрушаетесь о своей холодности?]

«Я давно смирился со своей судьбой. Мне больше подходит философия "бери от жизни всё, пока можешь". Просто досадно, что даже при таком волнении я не могу ничего предпринять. Пьяный мужчина, хм... Да и Сун Цзинчэнь вернулся — скоро это великолепное тело будет для меня недостижимо».

[Прекратите! Я не хочу слышать звуки вашей цензуры!]

Муюнь послушно прервал поток мыслей и мягко обратился к Цинь Ли:

— Почему вы не надели пижаму? Она лежит у кровати.

«Нельзя же так бесцеремонно разгуливать передо мной в таком виде, когда я ничего не могу сделать. Это просто жестоко».

Цинь Ли ответил лишь спустя несколько секунд:

— Не хочу.

«...»

Муюнь быстро понял: Цинь Ли не просто выпил, он был мертвецки пьян — до той стадии, когда рассудок окончательно сдает позиции. У него была странная особенность: хмель проявлялся в полной мере только тогда, когда он возвращался домой. На людях же он всегда казался абсолютно трезвым.

В деловых кругах ходили легенды о его невероятной стойкости к алкоголю. На самом же деле он пьянел, как и все, но единственным свидетелем его истинного состояния всегда был только Чэн Муюнь.

Странно... по дороге домой Цинь Ли казался вполне вменяемым. С чего вдруг его так накрыло сейчас?

Муюнь почувствовал раздражение. День выдался слишком насыщенным, он устал и меньше всего на свете хотел возиться с пьяным боссом. К счастью, в таком состоянии Цинь Ли, хоть и нес чепуху, был вполне управляем.

— Почему ты улыбался Юй Шаонину? — внезапно спросил он.

Вот об этом Муюнь и говорил.

Не меняя выражения лица, он взял Цинь Ли за руку:

— Вы пьяны. Идемте, я уложу вас спать. Уже поздно, а завтра у вас несколько важных встреч.

Цинь Ли послушно последовал за ним и позволил уложить себя в постель. Однако, даже оказавшись под одеялом, он не закрыл глаз, продолжая упорствовать:

— Почему ты никогда не улыбаешься мне?

Муюнь замер. Он не ожидал подобного вопроса, но ответ пришел сам собой — мгновенно и безжалостно.

— Потому что вы сами сказали: когда я улыбаюсь, я перестаю быть на него похожим.

На лице Муюня играла едва заметная улыбка. Его голос звучал нежно, а взгляд был устремлен куда-то вдаль, словно он говорил о самой искренней и преданной любви.

<http://bllate.org/book/15360/1413459>